

Классическая проза Владимира Войновича

Владимир
ВОЙНОВИЧ

Жизнь и необычайные
приключения
солдата Ивана Чонкина

Книга 2

Лицо привлеченное

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В61

Оформление серии *А. Саукова*

Автор иллюстрации на обложке *В. Войнович*

Войнович, Владимир Николаевич.
В61 Жизнь и необычайные приключения солдата
Ивана Чонкина. Кн. 2. Лицо привлеченное /
Владимир Войнович. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-699-94960-1

(Pocket book)

ISBN 978-5-699-94890-1

(Классическая проза Владимира Войновича)

Знаменитый роман-анекдот про солдата Ивана Чонкина, продолжение «Лица неприкосновенного», выходит в новой авторской редакции и с новым названием, которое дал сам автор. Простой солдат Иван Чонкин во время Великой Отечественной попадает в смехотворные ситуации: по незнанию берет в плен милиционеров, отстреливается от своих.

Кто он?

Герой самой известной политической сатиры советской эпохи. Со временем горечь политического откровения пропала, а вот забавный простачок Чонкин советскую власть пережил!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94960-1 © Войнович В., 2017
ISBN 978-5-699-94890-1 © Оформление. «ООО Издательство «Э», 2017

Часть первая

ОТ ТЮРЬМЫ ДА СУМЫ...

1

*Нач. АХО тюрьмы № 1
т. ТИМОФЕЕВУ С. П.*

Для помыва з /к Чонкина И. В. прошу Вашего распоряжения о выдаче мыла хозяйственного — 20 гр.

Ст. надзиратель ПОТАПОВ

Зав. складом т. КУДЕЯРОВОЙ

Выдать для помыва з /к Чонкина мыла жидкого 15 гр.

ТИМОФЕЕВ

*Заведующей баней № 1
Долговского райкоммунхоза
т. ФРУКТ*

Прошу обеспечить санобработку и помыв з /к Чонкина с выделением для этой цели воды горяче-холодной не менее 8 (восьми) шайко-объемов.

Нач. АХО тюрьмы № 1

СПРАВКА

Чонкин И. В. санобработку прошел.

Завбаней С. ФРУКТ

**ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ
В КАМЕРЕ № 1 ТЮРЬМЫ № 1**

1. Нары простые деревянные — 3 яруса
2. Табуретка простая деревянная — шт. 1
3. Судно канализационное деревянное (параша) — шт. 1

Ст. надзиратель ПОТАПОВ

Примечание. Лица, виновные в предумышленной порче, или порче по неосторожности, или в иных действиях, которые могли бы привести к порче социалистического имущества, будут нести ответственность по законам Военного времени.

*Командиру Войсковой части
полевая почта № 249814*

Срочно, секретно

4 сентября в селении Красное арестован по обвинению в дезертирстве военнослужащий вашей части рядовой Чонкин И. В. При аресте у обвиняемого изъята винтовка Мосина образца 1891/30 г. и патроны к ней в количестве — шт. 4. Прошу срочно сообщить, когда, при каких обстоятельствах обвиняемый скрылся из части с приложением личной характеристики.

*ВРИО начальника отдела НКВД
Долговского района
лейтенант ФИЛИППОВ*

*ВРИО начальника отдела НКВД
Долговского района
лейтенанту ФИЛИППОВУ
Срочно, секретно, со спецкурьером*

В ответ на ваш запрос сообщаю: рядовой Чонкин Иван Васильевич был направлен в селение Красное для несения караульной службы по охране самолета «У-2» 634805321, потерпевшего аварию и совершившего вынужденную по-

садку вблизи указанного населенного пункта. При себе имел винтовку Мосина образца 1891/30 года и патроны к ней в количестве шт. 20.

В результате вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз часть получила задание спешно перебазироваться в район военных действий. В связи с невозможностью своевременного отзыва рядового Чонкина к месту службы последний зачислен в списки пропавших без вести. Вместе с тем авторитетная комиссия в составе подполковника Опаликова С. П. (председатель), техника-капитана Кудлая Ю. И. и старшего моториста сержанта Чебурданидзе А. Г., изучив соответствующую документацию, пришла к заключению, что указанный летательный аппарат подлежит списанию ввиду полной выработки им самолето- и моторесурса (акт заочной технической экспертизы прилагается).

Полностью доверяя органам следствия, командование части просит сообщить окончательное решение по делу Чонкина И. В.

Командир войсковой части
полевая почта № 249814
п /полковник ПАХОМОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА

Рядовой Чонкин Иван Васильевич, 1919 года рождения, русский, холостой, беспартийный, образование незаконченное начальное, проходил службу в войсковой части № 249814 с ноября 1939 года, исполняя обязанности ездового. Во время прохождения службы отличался недисциплинированностью, разгильдяйством, халатным отношением к своим служебным обязанностям. За неоднократные нарушения воинской дисциплины и несоблюдение Устава РККА имел 14 взысканий (впоследствии снятых).

Обладая низким образованием и узким кругозором, на занятиях по политической подготовке проявлял пассивность, конспекта не вел, слабо разбирался в вопросах те-

кущей политики и теоретических положениях научного коммунизма.

Общественной работой не занимался.

Политически выдержан, морально устойчив.

*Командир в/ч п/п № 249814
п/полковник ПАХОМОВ
Комиссар части
ст. политрук ЯРЦЕВ*

*Начальнику управления НКВД
по ... ской области
подполковнику тов. ЛУЖИНУ Р.Г.*

В ответ на Ваш запрос (исх. № 014/209) сообщая: ордер на арест Чонкина И. В., обвиняемого в дезертирстве, был выписан на основании заявления за подписью «жители д. Красное» бывшим начальником нашего учреждения капитаном Милягой А. П. и санкционирован райпрокурором т. Евпраксеиным П. Т.

Во время ареста обвиняемый при содействии своей сожительницы Беляшовой А. оказал вооруженное сопротивление, в результате которого сержант Свинцов получил тяжелое ранение.

Капитан Миляга, прибывший к месту происшествия позднее, затем бежал и погиб при не выясненных пока обстоятельствах.

В настоящее время преступник захвачен и содержится под стражей в тюрьме № 1 города Долгова. Прошу дальнейших указаний.

Лейтенант ФИЛИППОВ

2

— Давай, вали дальше! — потребовали сверху.

— Дальше-то? — Чонкин задумался.

Вся камера № 1 возбужденно ждала продолжения.

Время было — после отбоя. Чонкин лежал на средних нарах между блатным пареньком Васей Штыкиным по прозвищу Штык и паном Калюжным, пожилым дядькой с вислыми усами.

Чонкин пытался собраться с мыслями, его торопили, сбивали с толку, кричали снизу и сверху: «Ну те-лись же ты, падло!», словно он был коровой.

— Ну вот, — сказал он, поправляя под собой шинель, — сижу, значит, я с пулеметом в кабинке, Нюрка хвост заворачивает, бутылки летят, а эти кричат «сдавайся!». А как же сдаваться, я ж не могу, я на посту, мне ж не положено. И тут вдруг что-то ка-ак сверканет, и так у меня в голове все поплыло, и сделалось так хорошо, и дальше ничего не помню, лежу как мертвый.

Вся камера притихла, как бы почтив молчанием память Чонкина, а пан Калюжный, лежа на спине, быстро перекрестился и сказал тихо: «Царствие небесное».

— Ну вот, — помолчав, продолжал Чонкин, — очинаюсь это я, значит, в животе бурчит, башка будто чужая, открываю глаза и вижу передо мной...

— ...черт, — подсказал кто-то снизу, но на него цыкнули, и он умолк.

— Не черт, — поправил Чонкин, — а генерал.

— Ха-ха, генерал, — засмеялись уже наверху. — А может, маршал?

— Закрой хлебало! — оборвали и этого.

— Закрой, — сказал и Чонкин. — Ну вот. Я и сам сперва не поверил и говорю: «Нюрка, это же генерал». А он мне: «Да, — говорит, — сынок, я и есть, — говорит, — генерал». Ну, я встаю, калган гудит, но, как положено, пилотку поправил, руку к виску... — Чонкин приподнялся на локте и, как бы вытягиваясь перед воображаемым начальством, на всю камеру прорывал: «Товарищ генерал, за время вашего отсутствия никакого

присутствия не было». А он... — Чонкин обмяк и усталым, отчасти даже старческим голосом изобразил: «Спасибо, сынок, за службу». И сымает с себя... ну, это...

— ...штаны, — подсказали из-под нар.

— Дурак, — оскорбился Чонкин за своего генерала. — Не штаны, а этот... Ну, круглый такой... ну, орден.

Штык на своем месте заерзал, приподнялся, наклонился над Чонкиным.

— Орден? — переспросил недоверчиво.

— Орден, — подтвердил Чонкин.

— Какой?

— Ну, этот... Ну, Красного, этого...

— Знамени?

— Ну да. Ну, Знамени.

Штык поднес к носу Чонкина руку со скрюченным указательным пальцем:

— На, разогни.

— Чего это? — ожидая подвоха, Чонкин недоверчиво смотрел на согнутый палец.

— Да разогни же.

— А на кой?

— Разгинай, не бойся.

Пожав плечами, Чонкин разогнул. Он не знал этой нехитрой шутки и не понял, почему все смеются.

— Ну и свистун, — сказал Штык. — Генерал, орден...

— Не веришь? — оскорбился Чонкин. — Да вот же ж она, дырка.

— За гвоздь зацепился, — сказал Штык.

— Штык! — окликнули его снизу. — Отвали, падло, не мешай человеку. Давай, Чонкин, травы, не тушуйся.

— А ну вас! — махнул рукой Чонкин.

Он обиделся, замолчал и, встав на карачки, долго расправлял шинель на узком пространстве между Штыком и паном Калюжным. Его звали, ему обещали

больше не перебивать, его упрасивали, он не ломался, он просто молчал, думал. Защищая свой пост, он не знал, что совершает что-то особенное, а теперь по интересу слушателей и даже по их недоверию понял, что совершил что-то особенное и даже по-своему выдающееся, а вот не верят, и некому подтвердить.

Народ в камере был разношерстный. Некий индивидуум, которого звали почему-то Манюней, сказал Чонкину:

— За дезертирство это тебе сразу вышку дадут, расстреляют.

— Манюня! — окликнул его востоковед (в Долговской тюрьме были люди самых диковинных профессий) Соломин. — Перестаньте пугать человека.

— Да я не пугаю, — возразил Манюня. — Я говорю: раз дезертирство, значит, вышка. Это если б он, скажем, в самоволку пошел или, допустим, от эшелона отстал, ну тогда, конечно, можно бы ограничиться штрафной ротой, а когда дезертирство, да еще с сопротивлением властям, тут уж без вышки никак... — Манюня помолчал, подумал. — Ну, вообще-то сейчас расстрел гуманный. Раньше-то было как. Раньше тебя выводят во двор; отделение с винтовками, прокурор, доктор. Приговор читают, глаза завязывают, потом командуют: «Отделение, приготовиться!» Жуть! Теперь все не так. Теперь гуманно. Повели тебя, скажем, в баню, а по дороге — бац в затылок, и все. О-хо-хо! — зевнул он. — Поспать, что ли.

Народ еще крутился на нарах, переговариваясь о том о сем, перекидываясь шуточками. Грузин Чейшвили рассказывал, как на воле жил сразу с двумя певицами. Другой голос излагал длинный и скучный анекдот, вся соль которого заключалась в том, что в нем действовали русский, еврей и цыган.

— Когда мне бывает трудно, — сказал бывший профессор марксизма-ленинизма Зиновий Борисович Цинубель, — я всегда читаю Ленина.

— Легче становится? — спросил кто-то.

— Напрасно иронизируете, — отозвался Цинубель. — Когда-нибудь вы поймете, что у Ленина есть ответы на все вопросы.

— А ты за что сидишь, батя? — спросил Чонкин па-на Калюжного.

— За дурость, — сказал Калюжный. — Мы с братом моим, близнюком, на Черниговщине жили, а брат был куркуль, кулак по-вашему. Двенадцать десятин земли имел, крупорушку, четыре коняки и шесть коров. Часы носил золотые на цепочке и портсигар червонного золота. А когда — отожд раскулачивать стали и отняли усе, и крупорушку, и коняк, и коров, и часы, и портсигар, он понял, шо надо тикать. И меня звал с собою. А я говорю, а на шо мне тикать, я ж не куркуль. Ты не куркуль, а дурак, он мне сказал. И правду сказал. Сам втик сперва до Польши, а потом до Америки. Вин втик, а меня, значит, як брата куркуля и втикача посадили.

— Значит, не повезло, — заметил Чонкин.

— Та повезло, — возразил Калюжный. — Еще як повезло. Меня в тридцать втором году посадили и вывезли за Урал, там, в лагере, я баланду хлебал такую, шо и описать невозможно, а все ж таки живой остался, а на Украине село наше усе до нуля вымерло. Во чисто до нуля.

— И когда на волю? — полюбопытствовал Чонкин.

— Да вроде как через год. Если по закону. А если по-ихнему, то неизвестно.

— А хочется на волю?

— Хотелось бы, як бы я знал, где она, та воля. Там ее тоже нет.

— Как это? — спросил Чонкин.

— Да так это, — ответил Калюжный и, не разъяснив своей мысли, заснул сразу с храпом и свистом.

Чонкин повернулся на другой бок, лицом к Штыку, подтянул к подбородку колени, накрылся свободной полой шинели, полежал — неудобно. Спина прикрыта, перед открыт, в грудь дует. Лег на спину, попробовал обе полы на себя с двух боков натянуть, опять на все не хватает. Лег на левый бок, спереди шинель на себя завернул, спина мерзнет. А пока вертелся, шинель снизу сбилась в один комок, пришлось опять на карачках ползать, вызывая неудовольствие и пана Калюжного, и Штыка.

Всегда считал себя Чонкин неприхотливейшим существом, а тут, к собственному удивлению, обнаружил, что за время жизни у Нюры разнежился, привык к пуховой подушке, пуховой перине и ватному одеялу. Здесь ему было и тесно, и жестко, и холодно.

Поэты-романтики-орденоносцы немало лирических стихов насочиняли о солдатской шинели, будто на ней замечательно спать, одновременно ею же укрываясь. А еще лучше, если делается это на снегу или в крайнем случае под дождем, то есть чтобы она была непременно и мокрая, и пулями пробитая, и как-нибудь в боях обожженная. Вот тогда-то, мол, спать на ней и ею же укрываться очень уж романтично. Романтично, это, пожалуй, да, но сказать, чтоб очень уж удобно, это, конечно, нет.

Крутился Чонкин, крутился — постепенно как-то устроился, как-то особенно съезжился, как-то примирился с жесткой реальностью, осознав, что, как ни плохо шинель для сна, голые нары — хуже. Приспособился, приладил щеку к завернутому рукаву и заснул в сильно скрюченном положении.

И как только впал в забытие, так сразу, а может быть, даже не совсем сразу, может быть, по прошествии какого-то времени, приснилось ему, что не скрюченный на нарах и завернувшись в шинель он лежит, а на пуховой перине, под ватным одеялом и с Нюрой. Лежит Нюра с ним рядом, пышет жаром, как печка, и пахнет вкусно, как мармелад. И потянулся он томно к Нюре, прижался к ней, положил руку на спину, а потом ниже, а вторая рука уже шарила на том же уровне, но с другой стороны. И, ухватившись за все, на что рук хватало, вспылал он неодолимым желанием, задышал глубоко и часто, кинулся на Нюру с рычанием и впился в нее, как паук.

Он не понял, почему она сопротивляется, почему отпихивается коленями и руками, ведь не только ему с ней, но и ей с ним было всегда хорошо.

Он пытался сломить ее сопротивление, но она схватила его за горло, он проснулся и увидел перед собою Штыка.

— Опять, сука, педрило попался, — шипел и плевался Штык. — Что вы ко мне, падлы, липнете!

Проснулись, заворочались на нарах другие. Кто-то наверху спросил, что происходит, другой голос лениво ответил:

— Новенький Штыка хотел трахнуть.

— А-а, — отозвался первый голос без удивления: видеть, здесь ко всему все привыкли.

Чонкин спросонья тряс головой, пялился на Штыка, не понимая, в чем дело, а когда разобрался, сконфузился.

— Нюрка наснилась, — объяснил он и повернулся на другой бок, чтоб избежать повторения неприятности. Штык тоже спиной к нему повернулся и долго еще чего-то бухтел, пока не заснул, а Чонкин лежал, доса-

дуя, что так неудобно все получилось, но постепенно досада его ослабла, и он снова заснул.

И опять, как ни странно (а впрочем, что уж тут странного?), приснилась ему перина и подушка, приснилось ватное одеяло и Нюра под ним. Помня во сне, что, обнимая Нюру, получил он в ответ какую-то неприятность, Чонкин на этот раз долго лежал недвижно, но запах Нюриного тела и волны жара, идущие от нее, опять его одурманили, опьянили, он потянулся к ней робко, потом смелее, и она на этот раз не противилась, и она потянулась к нему. И вот тела их коснулись друг друга по всей длине, и вжались друг в друга, и его руки торопливо оглаживали и мяли ее, а ее руки то же самое делали с ним, и хотя показалась она ему какой-то костлявой и жесткой, накинудся он на нее, впился в ее губы своими губами, и она его целовала, и она бурно дышала, и она страстно шептала почему-то по-украински:

— Ты мэнэ хочешь?

— Хочу! Хочу! — жарко выдыхал Чонкин.

Ошалев совершенно, он грыз ее губы, он касался языком ее языка, и единственное, что ему сейчас мешало, что раздражало его, были ее усы.

— Зачем тебе усы? — спросил он недоуменно.

— А шоб тэбэ имы колоты, — смущенно хихикнула Нюра, и он, просыпаясь, увидел совсем близко отвратительное лицо пана Калюжного, который, целуя его взсос, одной рукой прижимал к себе его голову, а другой шарил в том месте, куда Чонкин не допускал еще никого, кроме Нюры.

— Ты что? Ты что? — забормотал Чонкин, отпихивая и убирая блудливую руку Калюжного. — Тронутый, что ль?

— Та тише ты, — испуганно зашептал пан Калюжный. — Хлопцев разбудишь.